

Денис Могилёвский

ЦАРСТВО ГРАФОМАНИИ

СОБРАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

18+

Денис Могилёвский

Царство Графомании

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70196650

SelfPub; 2023

Аннотация

Уважаемые читатели, с огромным удовольствием представляю вам сборник художественных произведений собственного сочинения, который, по мере возможности и свободного времени автора, коль уж цифровой самиздат даёт такую возможность, будет пополняться новыми произведениями с каждой новой редакцией. (Первая редакция)

Содержание

Предисловие	4
Сатира	5
Письмо Генералу Штаба Сопротивления	5
Ужасы	10
Скрикуха	10
Стихи	22
Комментарии автора к рассказам	23

Денис Могилёвский

Царство Графомании

Предисловие

С превеликим удовольствием рад приветствовать всех, кто забрёл погостить в компании моей графомании. Сей сборник не будет привержен некому единому стилю, жанру или форме. Скорее же, он сослужит в качестве прибежища моей фантазии. Точнее, даже, если выразаться без лишней скромности и более помпезно – Королевством! Королевством графомании! Солянкой художественных текстов! Хотя, слово королевство, мне, пожалуй, нравится куда больше. Значит решено! А теперь, без лишних слов и вступлений, я позволю себе пригласить Вас в своё «Королевство Графомании»!

Сатира

Письмо Генералу Штаба Сопротивления

Здравия желаю, товарищ Генерал! Пишу Вам в столь знаменательный для всех нас день, дабы поздравить Вас лично и выразить свою глубочайшую преданность нашему делу, которая, как я надеюсь, зачтётся мне в дальнейшем. Пригубив рюмку царской водки, открытой по случаю праздника, я невольно задумался над слухами, кои до меня донёс мой адъютант.

Недовольству моему не было предела! Эти, не побоюсь выразиться, «окопные крысы», позволяют себе не разделять наших с Вами великих стремлений по освобождению нашей великой родины, которая без нашего мудрого правления уже не первое столетие погибает под гнётом оккупантов и их прихлебателей среди местных, вступивших с ними в столь грязную коллаборацию, что мерзость её не знает пределов.

Во время доведения данной информации до служащих вверенного мне в командование полка, негодованию моих подчинённых не было предела! Весь полк, в составе которого приписано две кухарки, три ряженных казака и один ра-

ненный ефрейтор, в едином порыве гнева осуждали непатриотическую позицию, позволявшую находящимся на передовой изъяслять хоть малую долю недовольства в адрес мудрейшего тылового правительства лишь на той основе, что мы временно вынуждены гостить в соседнем княжестве, а не копать окопы вместе с ними. Будто нам здесь легко. Вы видели нашего верховного глашатая Лапшина? Бедняга настолько опух с голоду, что ему стали малы большинство из его праздничных нарядов, из-за чего, он вынужден с ужасающей периодичностью обновлять свой гардероб, что выгодно лишь домам моды Италии, но никак не кошельку нашего общего дела.

Кстати говоря, раз уж речь зашла о кошельках, Вы уже наверняка заметили по тексту из предыдущего абзаца, что численность моего полка сократилась на одну кухарку, что сильно бьёт по его моральному духу и общей боеспособности. Поскольку один из казаков теперь вынужден ухаживать за раненым ефрейтором, в виду отсутствия альтернативы. И да, не в том смысле, в котором Вы могли подумать. Впрочем, дабы Вас не томить своими личными проблемами, просто сообщу, что в наш полк нужна новая кухарка. А лучше две, дабы каждой твари по паре. Да и моего адъютанта заменить на секретаршу, например. Рекрутировать специалистов в данных областях, по моим скромным подсчётам, обойдётся не дешевле десяти золотых тугриков, но благо, во имя которого мы всё это делаем – бесценно!

И да, спешу Вас успокоить! Лишение нашего полка предыдущей кухарки никак не связано с боевыми потерями. Они, вместе с Фрау Котелетт решили учредить министерство кухонных дел, которое, по их же заверению, будет одним из передовых, среди трёх сотен уже созданных. Кстати говоря, раз уж речь зашла и о Фрау Котелетт, которая опрометчиво позволила себе публично высказаться о возможном наличие умственных способностей нашего врага, то господин Лапшин, в подчинении которого она находится, просил передать свои глубочайшие извинения и заверить Вас, что подобное больше не повторится! Наше счастье, что дефекты речи Фрау Котелетт, позволяют нам настаивать на неправильном понимании её слов со стороны людей каждый раз, когда в её голове возникает мысль публично открывать рот. Прошу прощение, что позволил себе наглость уйти от главной темы данного письма, украв Ваше драгоценное время изложением проблем личных и просивших замолвить за них словечко перед Вами.

Как я уже сетовал в начале письма, нашей главной проблемой являются эти, с позволения называемые бойцы организованного Вами великого восстания против угнетения человеческой личности, кои позволяют себе находясь на передовой такую роскошь, как личная жизнь, карьера, разного рода удовольствия и даже, наслаждение деликатесами кухонь различных княжеств, которые мы с особой настойчивостью просили данную разновидность провизии туда не по-

ставлять! Но, да и чёрт с ними, с яствами то. В ранг же побед нашей дипломатии можно записать тот факт, что соседствующие с временно отнятыми у нас землями княжества, отказались от услуг кузнечных цехов, временно находящихся во власти царя оккупанта, благодаря чему, цеха прекратил своё существование, предварительно обанкротившись. И как же нас отблагодарили эти неблагодарные свиньи, коих мы своими действиями освободили от рабского труда? Отказались перечислять добровольные пожертвования на финансирование нашего героического сопротивления! И это только один из примеров вопиющей неблагодарности со стороны этих немых плембсов! А жить они нам как прикажут? Водку закусывать не королевскими крабами, а кашей?

Благо, не долго осталось тёмным временам, сгущающим тучи над нашим небом. Маршал Съебастьян уже собирает великое войско из самых преданных сторонников нашего бравого дела. Которые, вместо того, чтобы заниматься столь неблагородным делом, как возиться в грязных окопах воюя с врагом, героически покидают их, дабы воссоединится со своими единомышленниками уже на свободной земле, щедро предоставившей нам убежище. Уже скоро, лет через пять или сколько вольная земля позволит нам на ней находится, Съебастьяново войско молниеносно разгромит соперника, вернув тем самым все положенные нам нашей фантазией статусы! Наша победа близка товарищ Генерал сопротивления! Осталось совсем немного. Год, десять, пять, сто! Это

уже не важно. Наши угнетённые подданные с нетерпением ждут, когда Ваша справедливая длань возьмёт их под своё мудрое покровительство!

Более не смею отнимать ваше драгоценное время, отвлекая от важных дел! Да и пельмени с мраморной говядиной, кои я Вам очень рекомендую как закуску к хорошей водке, уже приготовлены и выставлены служанкой на стол. До встречи, друг мой! Здравия Вам и всех возможных мирских благ! Ваш преданный Полководец, Ассликинг!

Ужасы

Скрикуха

Пейзаж находящегося посреди леса осеннего кладбища, был, если не считать специфики сего места, по-своему прекрасен. Хотя, все мрачные оттенки присущие любому погосту, сходили на нет в праздник радуницы, когда места для погребения усопших, больше напоминали праздничное место.

Несмотря на то, что в деревне, откуда родом все известные мне предки, кладбище не такое уж и крупное, оно всегда собирает солидное для своих размеров количество посетителей и имеет на своей площади пару достаточно интересных с виду захоронений. Одно из таких находилось метрах в десяти от могилы моей прабабки, на которой мы с дедом ожидали запаздывающих родственники. Правда, дед не дожидаясь остальной родни успел почать лежавшую в кармане флягу, которую ещё вчера в тихую наполнил самогоном.

Могила та была причудлива не только тем, что за все эти годы, я так не разу и не видел, чтобы её кто-то посещал, но и своим внешним видом. Это была залитая цементом яма, с торчащим из неё крестом. Примечательным было и то, что вокруг сего захоронения не росла даже трава. Удивительным

было и отсутствие на кресте каких-либо сведений об упокоенном здесь человеке. Тогда-то я и решил узнать у деда историю этой могилы. Мы ведь с матерью и отцом переехали из деревни в город, когда я ещё совсем мал был, посему и слухов местных не знаю совсем. Дед же наоборот, всю жизнь здесь прожил. Наверняка должен знать, кто тут похоронен.

Понимая, что ждать родню нам предстоит ещё минимум пол часа, я решил повременить с расспросами, дав деду сделать ещё несколько глотков из фляги, дабы как можно сильнее развязать ему язык, что собственно и произошло уже минут через десять.

– Дед, а что это за могила безымянная, да ещё и бетоном залитая. – наконец поинтересовался я.

– Да так, достопримечательность местная, от которой страшилка одна деревенская родилась.

– Почему я о ней не слышал? – интерес мой вызвало ещё и то, что дед был знатным говоруном и все истории из жизни, как реальные, так и вымышленные, уже раз десять пересказал, но не эту.

Он помолчал с минуту, а после начал:

– Уж не знаю точно, правда то или вымысел, но истории этой лет сто уже. Я ещё ребёнком совсем был, а ей ребята постарше уже пугали детишек вроде меня. Взрослые же и вовсе старались не упоминать об описанных в ней событиях. Отшучивались, мол, детский вздор это. Но, даже тогда я замечал, как буквально все деревенские обходили стороной

эту могилу, да и хоронить рядом с ней никого не хотели. Это сейчас, более молодому поколению до этого дела нет, да и места на кладбище не так много осталось, чтобы свободный участок подальше от неё искать. А история там такая была.

Жила в деревне семья одна, Хрестюками вроде завались, если мне память не изменяет. Мужик Ёська, да жена его Маруська. Дитя от него ждала, месяце на шестом была уже. Только вот Ёська не признавал ребёнка. В глаза ещё не видел, а уже заладил, мол не от него. Всё клеймил Марусю, что рога ему наставила, а сам тот ещё ходок по бабам был. Но, всё это на уровне сплетен деревенских тогда гуляло, без доказательств каких-то.

Всё переменялось в тот день, когда батюшка местный дочь свою вместе с Ёської за прелюбодеянием в храме господнем поймал. Блудники эти прямо в исповедальне грешить принялись. Молва о том сразу по деревне пошла, покрыв грешным позором обе семьи. Попу за дочку срам, а Ёське за похождения, о которых в деревне и так давно шептались.

Дома жена на сносях, а этого на молодуху потянула. Маруське, правда самой тогда года тридцать три всего было, да и девка по рассказам была видная. Однако, куда ей до поповской дочери, первой красавицы на деревне, кровь с молоком, да и всего восемнадцать годов отроду. Вот Ёськаина натура блудничая и вышла наружу.

Через пару дней, в ночь на 22 декабря, горе окончательно

доконало Маруську. Пока Ёська крепко дрых от выпитой накануне вечером горелки, Маруська взяла из кладовки верёвку. Одним концом сплела петлю вокруг печного дымохода, другим вокруг шеи, после чего соскочила с табуретки.

Уже на утро, бредя к стакану с водой, дабы хоть немного заглушить похмелье, Ёська увидел жену висящей в петле. Тело её уже было холодным, а губы посинели. Он, одурнённый горелкой, не сразу то и понял, что ему с бабой то делать, да и не осознал, наверное, что вообще произошло. Вот и побрёл к бабе Нюре, что по соседству жила. Та сразу к ним в хату и давай реветь в истерике от увиденного. На вопли её тогда все деревенские и начали сбегаться. Деревня то малая, все друг друга знают и чуть что случалось, мигом бежали на караул. Каждый, кто был тогда в Хрестюковском доме, говорили, что Ёське будто совсем плевать на мёртвую жену было. Собственно говоря, похоронами её тогда, люди наши деревенские и занялись, всем кагалом. Кто гроб смастерить помогал, кто землю, промёрзшую рыл, кто горелку и закуски на поминальный стол собирал. Все при деле были, чтобы управится пока светло на дворе.

Только вот Поп наш, покойницу отпевать на отрез отказался. Оно и понятно, она же сама себя загубила, да и дитё, ещё не рождённое в след за собой на тот свет унесла. Как ни крути, не по-христиански это, не по православной традиции. Да и обида на Ёську за дочь уж сильно тяготила душу. Так Маруську и схоронили, без отпеваний, но, помянув доб-

рым словом. Да и на вдовца старались в тот день не сетовать. Решили, протрезвеет – сам поймёт вину. Посидели тогда за столом час, другой, да и разбрелись все по домам.

Уже к следующему дню, деревня вернулась к повседневному своему укладу. Тут не город, каждый божий день люди все в делах и работе. Только вот спокойствие наше длилось не долго. На третий день, после смерти Маруськи, Нюрка зашла Ёську проведать, как он там. Жену помянуть. Да только стоило ей порог дома Хрестюковского пересечь, как крик её чуть ли не по всей деревне пронёсся.

Тут люд деревенский снова на крик сбежался. Только на этот раз, картина их ждала куда страшнее той, что была в этом доме три дня назад. На полу, посреди комнаты, с ярким следом от удувки на шее лежал Ёська. Только помимо следа на шее, кто-то вырвал ему сердце, которое, в паре метров от тела лежало. А по полу, след кровавый тянулся, вплоть до разбитого окна.

Мы, деревенские, хоть и не отличаемся брезгливостью, но некоторые от увиденного, в обморок тогда попадали. Да и что греха таить, в сердцах людей тогда много суеверий разных проснулось. Одно дело, если бы он не выдержав потери Маруськи руки на себя наложил. Так тут след от петли на шее есть, а самой петли не было нигде. Да ещё и сердце вырвал кто-то и рядом бросил. Видать через окно, разбитое и залез, да и след кровавый именно туда вёл. Тут Нюра ещё вспомнила, что ночью долгий крик со стороны Хрестюков-

ского дома раздался, секунд на десять. Да и сам крик был мерзкий, не на человеческий, не на животный не похожий. Как потом оказалось, звук этот не только Нюрка слышала. По деревне поползли нехорошие сплетни разного характера, у кого на что фантазии хватало. А, Ёську тогда рядом с женой и схоронили.

В деревне смутные времена начались. Как только солнце пряталось, люди из хат и носу не высовывали, да и ружья с топорами и вилами под рукой всегда держали с иконой наперевес. Кто силы нечистой боялся, а кто убийство Ёськино на зверя доселе невиданного списывал. Однако, дни после того события были вполне себе спокойные, а после того, как по Ёське три дня было, люди и сами к привычной жизни возвращаться начали. Там и Новый год отгуляли. Только вот, как по Маруське девятый день поминать пора настала, так вся деревня снова тот самый крик услышала. Страх в сердцах людей проснулся с новой силой. Как только проорали первые петухи при виде солнца на горизонте, все тут-же хлынули из хат своих по деревне бродить. Не с пустыми руками, разумеется. Вдруг твари той свет солнечный нипочём. Бродил люд по деревне до тех пор, пока кто-то не крикнул что было сил:

– Все в церковь!

Деревенские сразу-же туда и бросились. Открывшаяся глазам людей картина, распалила затаившийся в сердцах страх ещё сильнее. Посреди храма, со следами от петли и

вырванным сердцем, кое валялось в паре метров от тела, лежала дочь поповская, кровавый след от которой, тянулся до разбитого, церковного окна. Тогда-то уже все на силу нечистую сетовать стали. Всё на Маруськины поминки происходит, да и мрут те, кто до греха смертного её довёл. У многих тогда, кто Маруське при жизни не докучал, от души отлегло, мол бояться смысла нет. И только у библиотекарши нашей, Янины, лицо в тот момент как у покойницы бледное сделалось. Она Ёську часто налево водила, вся деревня про это знала, только не ловил их с поличным никто. Тогда, в церкви, все сразу поняли, почему у неё лицо такое сделалось, да и понятно было, за кем сила нечистая на сорок дней придёт.

Тогда, даже не все обратили внимание на то, что самого Попа не было нигде, ни в церкви, ни в деревне. Уж потом, когда дочь его схоронили, на поиски отправились. Нашли мёртвым на следующий день. Видать, не выдержал смерти дочки, вот и утопился. Тело его в паре километров от деревни, ниже по течению реки на берег выбросило. Я тогда и подумал про то, как он Марусю клял, за то, что та руки на себя наложила, а сам-то.

На удивление, жизнь в деревне быстро вернулось в привычное русло, даже спать уже никто не ложился, держа топор под подушкой. Гадали только, что это за сила в деревне завелась и сгинет ли она на сороковой день. Да и кто это, бес какой, чудище лесное или сам господь Бог решил людей за грехи, унесшие жизнь невинную, наказать. Любопытно было

всем, кроме Янины, на которой с того самого дня лица не было. Люди конечно ходили её в библиотеку проведать, но та не подавала виду, что на душе груз огромный. Но, по лицу всё было видно.

Так, после православного рождества, жизнь в деревне для всех, кроме Янины, вернулось в привычное русло. Но, несмотря на это, каждый, по понятной причине, ждал сорокового дня по Маруське.

День, которого так ждала вся деревня наступил. Янина, как никогда принарядившаяся, словно в последний путь, шла к себе в библиотеку. Тогда и каждый деревенский, будто на прощание, решил напоследок библиотеку посетить. Однако, как только солнце начало прятаться за кронами леса, библиотеку покинул последний человек, крепко обняв Янину на прощание.

Никто в деревне в ту ночь не спал, свет горел в каждой хате. Все всё понимали, но, сделать ничего не могли. Некоторые надеялись, авось пронесёт. Но, посреди ночи, часа приблизительно в три, раздался уже знакомый всем крик. Это означало лишь одно, Янинки больше нет. Жаль бабу конечно, видная была! Высокая, статная, всё при ней, да и от роду всего лет тридцать пять было. На ней в своё время половина деревенских мужиков свататься хотело, но, она в этом плане привередливой была. Но, на Ёську глаз положила.

С первыми петухами, все побежали сначала к дому Янины, а после, когда не застали её на месте, рванули в библио-

теку. Там, первым делом, люди наткнулись на сторожа, который трясся сидя в углу. Бедняга был настолько напуган, что не мог сказать ни слова. А, в самом зале библиотеки, всех ждала уже привычная картина. Рядом со своим рабочим столом лежала уже мёртвая Янина. На шее след от удавки, грудь разорвана, лежащее в паре метров сердце и кровавый след, тянущийся до разбитого окна. Видать, надеялась, что на первом этаже здания, силу не чистую решётки на окнах сдержат, а на второй, где библиотека находилась, она не вскарабкается. Увы, прогадала девка.

Сторожа в тот день к бабке в соседнюю деревню повезли, чтобы та от испуга отшептала. Всем не терпелось расспросить, что за чертовщина его так напугала. А Янину на кладбище, к остальным прикопали.

Уж не знаю, что ему тогда помогло: бабкин шёпот, бальзам егерский или самогон, что бабы наши гонят, но, на седьмой день бедолага заговорил. То, что он нам тогда поведал, действительно могло свести с ума, увидь человек подобное в живую.

Дежуря в ночную смену, он услышал звук разбитого стекла и бабский крик, донёсшийся из библиотеки на втором этаже. Терентьевич, так звали сторожа, не знал, что Янина ещё там. Схватив ружьё, он мигом рванул к источнику шума. Стоило ему вбежать в зал библиотеки, как перед глазами предстала картина, лишившая его на неделю дара речи.

Янину, повалив на пол, душила Маруська. Только была она полуразложившаяся, уже потрёпанная смертью. В открывшихся, уже засохших ранах кишели опарыши. Из влагища торчала длинная пуповина, которую Маруська обвила вокруг шеи Янины, намереваясь её задушить. А на конце пуповины, висел полусгнивший младенец с разорванной грудной клеткой.

Как только Янина издала последний вздох, а жизнь навсегда покинула её тело, Маруська убрала импровизированную из пуповины петлю с её шеи, после чего, резким движением руки, пробила ей грудную клетку, и вырвала сердце. На этом, её интерес к бывшей любовнице своего мужа закончился.

Держа в одной руке вырванное сердце, другой, она понесла мёртвого младенца к полусгнившей груди, словно мать, готовящаяся накормить своё дитя. Какие-либо признаки агрессии в ней улетучились. Маруська вложила вырванное сердце в разорванную грудь младенца, после чего, начала издавать непонятные, тихие звуки, будто обращаясь к нему в надежде, что сейчас он оживёт. Минут пятнадцать она тряслась над ним, словно кошка над мёртвыми котятками в надежде, что вот-вот, они откроют глаза.

Но, ничего не произошло. В ярости, она отбросила сердце и издала тот самый, истошный крик. После чего, вместе с мёртвым младенцем на руках, убралась прочь через разбитое окно.

В тот момент мужики, хоронившие в эти дни людей, вспомнили, что Маруськина могила была единственной, на которой никогда не лежал снег. Тогда-то, словно по щелчку, в головы мужиков пришла мысль разрыть могилу, дабы проверить её содержимое и узнать, не почудилась ли сторожу вся эта мистика. Несмотря на промёрзшую в эту пору года землю, могилу раскопали достаточно быстро. От увиденного, даже деревенские мужики застыли от страха, а в последующем, и вовсе поседели.

Гроб был вскрыт, а внутри, как точно описанная со слов сторожа Маруся, державшая в руках полусгнившего младенца с разорванной грудной клеткой. Только на этот раз, она не подавала никаких признаков жизни и не пыталась кого-то задушить. В тот момент, кто-то и выкрикнул из толпы мысль о том, чтобы залить могилу цементом, дабы нога Маруськина более никогда не ступала в деревню, на пороги домов живых. Да и крест тогда поставили безымянный, на всякий случай.

Могилы убитых ей тот-же раскопали тогда, дабы удостовериться, что убитые её рукой не повазлязят из могил, словно упыри. Гробы их оказались целёхоньки, но, дабы наверняка, оставшийся цемент мы поровну между их могилами распределили, сверху присыпав землёй. С тех пор, тот самый крик в деревне больше никто не слышал. А то, во что Маруська после смерти превратилась, мужики Скрикухой прозвали.

Дед на минуту замолчал, а после, будто сбрасывая камень с души произнёс:

– Это собственно говоря и есть Маруськина могила, а та что в паре метров от неё, Ёськина. В тех двух, что рядом с Ёськиной, дочь поповская и библиотекарьша похоронены. Все в гробах своих цементом залитые лежат. Мы тогда понятия не имели, с чем столкнулись, вот и повыкапывали их тела, чтобы и их к могилам таким образом привязать. А то не дай бог, как Маруська наверх повылазят.

Некоторые не состыковки в повествование сразу всплыли в моём уме. Я конечно понимал, что всё это не более, чем обычная деревенская страшилка. Но, то, что в начале повествования дед ребёнком был, которого историей этой старшие пугали, а в процессе повествования рассказывал в манере, присущей участнику событий, меня насторожило. Мгновенно, в голове всплыла фото, на котором деду с бабкой лет по тридцать было, только дед на ней уже седой красовался. И только у меня возникло непреодолимое желание задать деду возникший в голове вопрос, как он тут-же отрезал:

– Всё, закрыли тему! Вон наши идут уже. Да и негоже в столь светлый праздник про чертовщину всякую языками чесать.

СТИХИ

На выпивку мне денег дайте,
Душа моя трезвеет вновь.
Не сгинет к водке, что на акции,
Моя бездонная любовь

Комментарии автора к рассказам

Письмо Генералу Штаба Сопротивления

Какие только мысли не посещают от части пустую голову, если, пренебечь советом Профессора Преображенского, фигуранта художественного романа за авторством Михаила Афанасьевича Булгакова "Собачье сердце", и всё-таки почитать перед обедом советскую газету. А если обеденный стол ещё и скрашен той самой, настоящей, сорокоградусной водкой, которая ещё старая, царская, а не новая большевицкая бодяга, в которой и тридцать восемь градусов то с трудом набирается, то русло рассуждений, приправленное непреодолимым чувством патриотизма, может направится в весьма интересное с философской точки зрения русло.

Скрикуха

Рассказ, с которым я попробовал свои силы в литературном конкурсе "Чёртова дюжина 2023", организованного специализирующимся на жанре ужасов интернет изданием "DARKER". Уж больно интересные правила были у данного конкурса, а именно, тот момент, что судьями для разбитых на группы рассказов, вплоть до самого финала, выступают сами участники. В итоге, помимо опыта в качестве участника конкурса, появился и первый опыт в роли судьи, который позволил мне иначе взглянуть на процесс написания рассказа.

зов. И хоть особыми достижениями по итогам конкурса я похвастаться, к сожалению, не могу, свою долю обсуждаемости выраженной в комментариях на любой вкус, мой рассказ получил.